

Наталья
Нестерова

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
Натальи Нестеровой

А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...
БАБУШКА НА СНОСЯХ
ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ
ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!
ВЫЗОВ ВРАЧА
ВЫЙТИ ЗАМУЖ
ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!
ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ
ДЕВУШКА С ПРИВЕТОМ
ЗА СТЕКЛОМ
ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ
ИЩИТЕ КОТА
КОНКУРС КОМПЛИМЕНТОВ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА
КОШКИ-МЫШКИ
ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ
МАНЕКЕН
НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ
О ЛЮБВИ
ОБРАТНЫЙ ХОД ЧАСОВ
ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ
ОТПУСК ПО УХОДУ
ПОЗВОНИ В МОЮ ДВЕРЬ
ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА
ПОРТРЕТ СЕМЬИ
ПРОСТИТЕ МЕНЯ!
ПРО ДЕВУШКУ, КОТОРАЯ БЫЛА БАБУШКОЙ
СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ
СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА
ТАТЬЯНИН ДОМ
ТОЧКИ НАД «Ё»
ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ
УКУС ЗМЕИ
УРАВНЕНИЕ СО ВСЕМИ ИЗВЕСТНЫМИ
ФАНТАЗЕРКА
ЦЕЛЮЮ РУЧКИ
ШКОЛА ДЛЯ ТОЛСТУШЕК

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»

СИБИРЯКИ
СТАТЬ ОГНЕМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
НАСЛЕДНИКИ

Наталья
Нестерова

Испекли мы
каравай

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Фотография Натальи Нестеровой — *Дмитрий Романов*

Оформление — *Виктория Лебедева*

Нестерова, Наталья.

Н56 Испекли мы каравай : [сборник] / Наталья Нестерова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Разговор по душам)

ISBN 978-5-17-112135-8

Что в жизни может быть чудеснее нежных заботливых женских рук? Не трудитесь — придумать невозможно! Обычно о мастерах говорят: «У мужика золотые руки!» А то, что и у женщин руки могут не только укачивать ребенка, ласкать любимого, утешать страдающего, забывают. Героини этой книги все как одна кудесницы — их руки, на первый взгляд, творят обычные вещи: рисуют, ткут, пекут, мастерят, а на самом деле совершают восхитительное таинство, доступное тем, кто знает наслаждение творчеством. Мастеровому человеку нелегко добиться признания, а если этот человек женщина, то ему нелегко вдвойне. Счастье, если рядом оказывается спутник, чья любовь спаяна с восхищением талантом избранницы. Какие они, девочки-кудесницы, в детстве? Тихие незаметные скромницы или шумные, эффектные воображалы? Они разные...

В сборник вошли два романа «Испекли мы каравай» и «Средство от облысения».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112135-8

© Н. Нестерова, 2019
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ

Роман

В детстве Арина мало играла с куклами. Подаренные красавицы с пышными волосами, в нарядных платьях, пищавшие «мама» при качании, сидели в ряд на полке, пылились и с немым укором смотрели на Арину стеклянными глазками. У некоторых кукол со временем тяжелые мохнатые ресницы опустились на щеки и казалось, что куклы заснули, устав ждать. Стихией Арины были песочные куличики, а лучшими подарками для нее — формочки, ведерки, совочки. Мама оставляла трехлетнюю Арину в песочнице и отправлялась в магазин — дочь никуда не денется, будет «печь куличики» хоть целый час.

Когда Арина выросла из песочницы, на смену хрупким куличикам пришло тесто. Из него, как из пластилина, можно было лепить, но пластилин был мертвым бездушным материалом и вечным, а тесто — нежным, капризным и недолговременным, как все живое. Арину завораживало превращение смеси воды и муки в растущую массу. Тесто было живым — оно росло, дышало, увеличивалось в объеме, и этот процесс казался Арине сказочным. Арина чувствовала себя волшебницей, которой подвластно колдовство с предметами. Как фее из «Золушки», которая из тыквы сделала карету.

Однако главной феей, не сказочной, а реальной была Аринина прабабушка Галя. Она жила в тридцати километрах от города, в деревне,

раскинувшейся на высоком берегу великой русской реки. Когда-то деревня была большой и богатой, с церковью в дореволюционную эпоху. Церковь давно разрушили, вымостив битым кирпичом дорогу к райцентру. Но и в советские времена деревня процветала, это была главная усадьба колхоза-миллионера: с клубом и школой, с фермой и маслобойней, с конезаводом и большими мастерскими по ремонту сельхозтехники. А с середины восьмидесятых деревня стала умирать, медленно и безысходно. Зарастали необрабатываемые поля и огороды, ржавела техника, опустели конезавод и ферма, закрылся клуб, дорожный асфальт усеивался воронками, как после бомбежки. Пустые коробки строений с выбитыми стеклами и провалившимися крышами пугали маленькую Арину, она думала, что там живут призраки, по ночам бродят мертвецы и дудят в страшные трубы.

— То не мертвецы, прости господи, — успокаивала правнучку бабуля Галя, — ветер гуляет. Живыми в землю закопать бы тех, кто до такого разора хозяйство довел, — тихо добавляла она.

— Живыми? В землю? — тарщила глаза Арина.

— Не слушай ты меня, старуху. Поди лучше посмотри, не подошла ли опара.

Бабуля Галя не признавала покупного магазинного хлеба, говорила, что им только свиней кормить и тюремных душегубов. Хлеб бабуля всегда пекла сама. Отдохнувший под льняным полотенцем, каким же вкусным он был! Хрустящая корочка, сладко теплая сердцевинка, да с молочком! Пальчики оближешь. Бабушка пекла и расстегаи с рыбой, и пироги с разнообразными начинками, и

8 плюшки, и калачи — чего только не пекла,

сколько рецептов помнила. Бабуля Галя была признанным мастером-хлебопеком в деревне. Другие женщины приходили к ней учиться, секретов бабушка не держала. Только все равно ни у кого не получалось таких вкусных хлебов, как у бабушки Гали. Сколько ни пытались односельчанки напихать в тесто побольше сливок, яиц и масла, не выходило, чтобы надкусишь булочку, жуешь-наслаждаешься и видишь, как со вздохом расправляется приплюснутое зубами место, булочка снова пышная и сдобная.

Арина застала край уходящей эпохи, когда в деревне еще играли свадьбы. Уехавшая в город молодежь по требованию родителей на родине отмечала бракосочетание. Бабушке Гале заказывали свадебный каравай — самое прекрасное, по мнению Арины, произведение пекарского искусства.

Считалось, что каравай не могут печь свекровь или теща, а только деревенская женщина с добрыми руками и хорошей судьбой. Руки бабушки Гали, вне всяких сомнений, добрые и талантливые. Но судьба ее не баловала, напротив. Отца, братьев и мужа потеряла на войне, с двадцати семи лет вдовствовала. Старший сын погиб в автомобильной катастрофе, дочь, Аринина бабушка, умерла молодой от рака, сорока не исполнилось.

Спустя много лет Арина спрашивала маму:

— Почему бабушке Гале в деревне приписывали счастливую жизнь? Она всю войну получала похоронки, да и потом могилка за могилкой. У нее ведь остались только ты да я.

— Бабушка честная была, — отвечала мама. — Не гуляющая, не сварливая, не злобливая.

— Ну и что?

— Не понимаешь? Одно человека комарик укусит и крику на весь свет, и все виноваты, и все плохие — огрызается, точно бешенством его заразили. А бабушку жизнь била — не комарики кусались. Однако никого она не проклинала, не жаловалась, не озлобилась. Как ее судьба ни испытывала, бабуля не потеряла доброты душевной и щедрости. А это, наверное, дороже всего.

— Я ведь похожа на бабулю Галю? — спросила Арина.

— Похожа, — рассмеялась мама. — Обе не девушки, а хлебопечки.

За долгую жизнь бабушка испекла тонны хлеба. Но каждый раз, отправляя тесто в печь, она волновалась и переживала. Так подлинный народный артист в триста тридцать третьем спектакле, выходя на сцену, испытывает душевный трепет.

Когда пеклись свадебные караваи, волнение было особым. Бабушка с утра мылась и мыла Арину. Они надевали чистое белье и повязывали головы платочками. Бабушка читала молитвы, Арина приплясывала на месте от нетерпения — опара подошла, пора замешивать тесто. Бабушка следила, чтобы, упаси боже, ни сквознячка в хате, ни грюка, ни стука, говорить можно только шепотом. Подошедшее тесто крайне нежно. Испугается ветерка или громкого звука — опадут внутри крохотные пузырьки, которые воздушность хлебу обеспечивают. Тесто слипнется, и вместо пышного каравая получишь клеكلую подошву.

Каравай был обязательно круглой формы, по основанию его украшали большая коса или жгут, сверху — колосья, листья, цветы и даже тонкошеии лебеди. Когда бабушка позволяла Ари-

не вырезать из теста листочек или колосок, радости внучки не было предела. Перед отправкой каравая в печь бабушка брала связку гусиных перышек и смазывала его маслом и взбитыми яйцами.

Пока каравай пекся, бабушка рассказывала, как строго в старину относились к выпечке каравая. Хотя Арина слышала этот рассказ несколько раз, он ей не наскучивал. Во время выпечки нельзя ругаться, спорить или говорить о плохом — о несчастьях или болезнях. Чтобы не припеклось поганое к молодоженам. Муку брали только пшеничную, самого лучшего сорта — для достатка молодым. По чуточке добавляли: ржаной муки — считалось, что она поможет молодым не зазнаваться друг перед другом и не ссориться; рисовой муки — для крепости отношений, сахар — для радости жизни; перца или сушеной редьки — для страсти. Про какую такую страсть бабушка говорит, Арина не понимала и допытывалась. Но бабушка только отмахивалась и говорила, что даже соль, которую в солонке поставят на каравай, готовили особо. Выбирали соляные камешки покрупнее и быстро промывали их в миске, чтобы не успели раствориться. Потом выкладывали кристаллы соли на чистый лист и сушили, в завершении толкли в ступке. Словом, каравай готовился по суеверным правилам, исключавшим любое постороннее, дурное вмешательство. Каравай до последнего момента никто не должен трогать и даже смотреть на него — чтоб не сглазили.

Волнительный момент — бабушка достает из печи свадебный каравай, руки у бабушки слегка дрожат. Облегченный вздох — удался! Готовый каравай был нежно золотистого цвета, румяный и блестящий.

На свадьбе, которую вместе с деревенской детворой Арина наблюдала из-за забора, ка-

равай становился частью обряда. Родители встречали молодых с караваем, положенным на вышитый рушник. Жених и невеста отламывали по кусочку — чей кусочек больше, тот и глава семьи. Потом караваем обносили стол, и какой-нибудь ребенок, почему-то обязательно ребенок, наделял кусочками гостей. Считалось хорошей приметой, если хватит всем. Арина смотрела, как ломается, уменьшается, исчезает их красавец. Было обидно, но ведь каждый праздник когда-нибудь кончается.

Зимой, дома, Арина постоянно что-нибудь пекла. Родители перестали бояться, что она спалит квартиру, экспериментируя с газовой духовкой. Бабушка Галя говорила, что у каждой печи свой характер, который ломать нельзя, а нужно только подстраиваться. Газовая духовка, конечно, не русская печь, но тоже с норовом. Арина перепортила много продуктов, пока не добилась нужного качества выпечки. К двенадцати годам она прекрасно разбиралась в качестве муки, могла с ходу определить свежесть дрожжей. Подружки увлекались то музыкой, то танцами, то строем шли записываться в секцию фигурного катания, то дружно мчались на курсы по составлению сухих букетов. У Арины тоже менялись интересы — то дрожжевое тесто, то песочное, то слоеное, то пресное. Папа с удовольствием уплетал Аринины пироги и печенье, носил на работу в железнодорожное депо расстегаи с вязигой и палтусом. Хвастался — дочка напекла.

Мама требовала единственное:

— Чтобы на кухне было чисто после твоих готовок.

— А то будем звать не Ариной, а Акулиной, — веселился папа.

Это по поговорке о неряшливой женщине: «Видно, что Акулина пироги пекла — все ворота в тесте».

Когда дочь ходила в шестой класс, на ее увлечение родители наложили ограничение. В школе появилась новая учительница, ставшая классной руководительницей Арины. Педагог обратила внимание на руки девочки. Из-за манипуляций с духовкой у Арины случались маленькие ожоги на пальцах, запястьях, предплечьях. Эти ожоги, старые и свежие, навели педагога на кошмарные выводы. Она пригласила родителей в школу — в кабинет директора, где кроме него и классной руководительницы присутствовала еще и завуч.

Мама и папа Арины — простые люди, слесарь и табельщица в депо, испытывали естественный, с детства въевшийся страх перед школьным начальством. Увидев директора и завуча, которые еще в их бытность школьниками никому не давали спуска, Ариныны родители окончательно оробели. Но если мама в крайнем волнении не могла слова вымолвить, то папа, напротив, становился ершистым, говорил лишнее — петушился.

— Объясните нам природу многочисленных ран на руках вашей дочери! — потребовала классная руководительница.

Мама услышала: «объясните природу», и почувствовала себя двоечницей, не подготовившей урок по географии, закаменела. Папа бросился в бой.

— Какие раны? — хрипло спросил он. — Кто нашу дочку бил?

— Это я у вас спрашиваю! — повысила голос педагог. — У Арины на руках следы системати-

ческих пыток! Живого места нет. Жестокое обращение с ребенком — это уголовно наказуемое преступление. Мы привлечем органы опеки и прокуратуру. Мы не позволим вам издеваться над ребенком!

— Вы что? — опешил папа. — Белены объелись?

— Как вы смеете разговаривать с педагогами в подобном тоне? Сразу видно, что за обстановка у вас в семье.

— Наша обстановка не ваше дело, прекрасная у нас обстановка.

— Это она печет, — тихо сказала мама.

— Вот именно! — подхватил папа. — Надо же! Записать нас в фашисты!

— погоди, Володя, — заговорил директор, — не кипятись. Давай разберемся.

— Давайте! — Папа Арины покрылся красными пятнами, на шее у него выступили жилы.

— Каким был, таким и остался, — заметила завуч. — Кулаки раньше мысли. И Катя не изменилась. Тихая мышка.

Завуч смотрела на Ариных родителей с тихой грустью и безо всякого осуждения. В отличие от классной руководительницы завуч не верила, что Володя и Катя могут быть родителями-изуверами. С другой стороны, настороженность молодого педагога надо только приветствовать.

— Есть у Арины раны? — спросил директор.

Володя повернулся к жене с немым вопросом. Она мелко закивала, глотая слезы.

— Печет и обжигается, — едва слышно проговорила Катя.

— Печет у нас дочка, понимаете?! — громко повторил Володя.

14 — Что печет? — не понял директор.

— Все печет, каждый день. Булки, пироги, торты. Увлечение такое у Аришки. Хобби!

— Странное хобби, — подозрительно процедила классная руководительница.

— Какое есть! — огрызнулся Аринин папа.

— Плохо, что есть хобби, — не сдавалась учительница, — после которого ребенок изранен. У вас дочь за кухарку?

Мама Арины не выдержала и расплакалась, тем самым как бы подтверждая справедливость подозрений. Папа Арины теперь разозлился на жену:

— Перестань хлюпать!

Им понадобился еще почти час времени, чтобы расставить точки над «і», развеять сомнения.

В итоге завуч сказала, что любое увлечение положительно влияет на профориентацию ребенка. А директор добавил, что профориентация не должна наносить вред здоровью ребенка. Классная руководительница предупредила, что будет внимательно наблюдать за состоянием кожных покровов Арины.

«Следи, кто тебя саму покрывает», — хотел вмазать Володя, но сдержался.

Педагогическая беседа изрядно вымотала его нервы. По дороге домой на последних парах он еще обзывал учительницу дурой, но, переступив порог квартиры, обессилил. Мама Арины, напротив, точно зарядилась энергией. Робкая при начальстве, в отношениях с дочерью она поблажек не допускала.

Мама разошлась — кричала, что Арина их опозорила, что все девочки как девочки, а их дочь на пирогах и булках повернулась. От мучного толстеют, они с отцом уже поперек себя шире. И чтобы Арина больше к духовке не подходила, и грамма муки в доме не будет, и пусть Арина только попробует замесить какое-нибудь тесто. Приготовленные дочерью